



Не могу поступиться принципами

Пишу это письмо после долгих размышлений — как человек, который почти ежедневно встречается с экспертами, учёными, журналистами. Мы спорим, ищем выход из нарастающего кризиса, но все эти разговоры не приводят к общему знаменателю. Я пытаюсь понять: **«Почему мы больше не слышим друг друга — даже когда говорим на одном языке?»**

Я прошёл долгий путь: закончил факультет государственного управления МГУ, начинал трудовой путь в бизнесе, объездил полмира, жил и трудился в США и Англии. За годы этих скитаний всё отчётливее ощущал: человечество подошло к очередному «великому фильтру». Мир теряет очертания — не только геополитические, но нравственные, смысловые. Где-то пару лет назад я вышел из большинства проектов и задал себе простой, но мучительный вопрос: **«что же делать?»**

Следующие годы стали для меня временем блужданий — как в притче о блудном сыне. Я искал «новый Капитал», пытался создать «теорию всего», концепцию перехода в новую экономическую формацию. Перебирал идеи — от космизма до технократического мессианства. Но чем глубже копал, тем яснее становилось: **нам не нужны новые утопии.**

Более того — впервые в истории у России есть шанс не строить очередного «Левиафана» - сверхобщество, не навязывать миру свою универсальную модель мироустройства, а стать опорой культурному, религиозному и политическому многообразию.

Я понял: наша миссия — не господствовать, а служить. Как садовник, который помогает саду цвести — каждому растению по его природе. Именно в этом — подлинный суверенитет, сила и достоинство России.

Осознав это, я вернулся — не только географически из своих странствий, но и внутренне. Собрал вокруг себя небольшую группу добровольцев: людей, которые пришли потому что почувствовали одно и то же — **пора переходить от слов к делу.** От бесконечных поисков к инфраструктурным проектам. Мы стараемся навести мосты между официальными декларациями и реальной



жизнью, где часто царят совсем иные, иллюзорные ценности.

Написать эту статью меня побудило событие, недавно прошедшее в Доме Союзов — XIV Международная научная конференция «Зиновьевские чтения». Она собрала интеллектуальный цвет нации обсудить: **«Как России живётся при капитализме? Что спасёт народ от либеральной контузии?»**

Интересное совпадение: в тот же день в Давосе собирались те, кто строит «глобальный порядок». Я не верю в случайность и воспринимаю это как вызов нашей интеллектуальной элите дать достойный, хоть и слегка запоздалый ответ на вопрос **«куда идем?»**. Но что поразило меня больше всего? Не критика либерализма — её разделяет подавляющее большинство. А то, что **общего языка у нас больше нет**. Один говорит о «цивилизационном государстве», другой — о «новом социализме», третий — о «возврате к старому укладу». Все призывы звучали в одной аудитории, но адресованы были в разные миры. Как в притче Платона: каждый видит на стене свою тень и принимает её за истину. Но поскольку никто не вышел из пещеры, никто не может сказать: «Это — свет, а это — тень».

Слова потеряли равнозначность знака и символа. Язык больше не объединяет, не создает коллективные образы — он разъединяет. Мы не можем договориться даже о том, что такое «патриотизм» или «справедливость», в каком мире живем.

Специальная военная операция вскрыла хрупкость нашего общества. Элита вращается в своих кругах, регионы склонны к изоляции, люди живут в микромирах: дом, гаджет, работа. Общинная жизнь исчезает.

Это не просто поляризация. Это атомизация — радикальное распадение социального организма. Причина — не просто в пресловутых «информационных технологиях», а в утрате основ коллективного мышления. Символ больше не несёт однозначного смысла. Логика разрушается. В этих условиях язык перестаёт быть мостом — он становится разделительной чертой. Чертой, преодолеть которую умозрительными концепциями невозможно.

В таких условиях любая попытка сконструировать новую идеологию — начало нового террора. Потому что идеология требует единого языка, общего образа, коллективной воли. А если их нет, она навязывается через принуждение к единомыслию. Именно так рождались мрачные главы XX века — из убеждённости в правоте своей схемы и маниакального стремления её повсеместно навязать.



Я не могу поступиться принципами.

Не потому, что я «против» чего-то.

А потому, что я **за — за тех, кто строит, а не разрушает**; за тех, кто работает — методично, кропотливо, тяжело; за тех, кто берёт на себя ответственность — просто потому, что кто-то должен.

России объявлена война — не только на полях сражений, но гибридная, смысловая. Война на разделение, смуту, распад нашей страны. В этой войне применяются самые изощренные средства поражения. В таких условиях любые социальные эксперименты — безответственны. Мы стоим между Сциллой внешнего давления и Харибдой внутреннего раскола. В этот момент нельзя рисковать тем, что веками спасало народ: верой, государственностью, семьёй, трудом, преемственностью поколений.

Нам не нужны новые «гражданские религии». Россия с лихвой заплатила за них кровью. Нам даны ориентиры — чётко, официально, на уровне закона: **традиционные российские духовно-нравственные ценности**. Патриотизм. Служение Отечеству. Крепкая семья. Созидательный труд. Коллективизм. Приоритет духовного над материальным.

Проблема современности не в отсутствии ориентиров — они есть. Проблема в том, что они остаются декларацией. Происходит разрыв между словом и делом — и именно он порождает запрос на очередные утопии, радикализирует народ.

Почему же идеологи так рвутся писать новые «учения»? Часто ответ прост: **жажда личной власти**. Идеология с момента появления в горниле Французской революции — инструмент перехвата управления. Как говорил Наполеон:

«Именно с идеологией следует связать все несчастья, которые испытала наша прекрасная Франция»¹.

Сегодня методологи под маской «социального проектирования» или «социальной инженерии» стремятся занять место архитектора общества — не имея связи с народом, не беря на себя личную ответственность и, что особенно тревожно, не обладая теми фундаментальными знаниями, которыми обладает настоящий инженер: математики, физики, истории, литературы, эстетики —

¹ Кротов А. А. Наполеон и философская школа «идеологов» / А. А. Кротов // Философские науки. — 2019. Т. 62, № 9. С. 88–104.



целостной картиной мира, мировоззрением.

Ведь настоящие конструкторы — Миль, Туполёв, Королёв — не прятались за нарисованными схемами. Они своим именем отвечали за каждую деталь, за жизнь экипажа, за честь профессии. Их проекты рождались в диалоге с реальностью — с материалом, с законами природы, с людьми.

А сегодня на смену мастерам приходят безликие экспериментаторы, готовые ставить жуткие опыты на живой социальной ткани — ради рейтинга или обретения власти над сознанием. Они не создают — они проектируют механистические модели, не считаясь с тем, что общество — не колба в лаборатории, а живой организм. И последствия их «экспериментов» измеряются в судьбах миллионов людей, их благополучии.

Именно поэтому я не могу молчать. Потому что знаю: настоящее строительство начинается с **уважения** — к человеку, к истории, к труду, к смыслам, которые мы как народ передаем от поколения к поколению и отстаиваем кровью на полях сражений.

Но консолидация вокруг ценностей — лишь необходимая почва. Сама по себе она не соберёт разрозненных людей в единый народ. Чтобы взрастить новое общество, нужна семя — **мобилизационная сверхзадача**. Дело, способное восстановить разрушенную социальную ткань, вернуть чувство общей судьбы, общего дыхания.

История учит: именно такие мобилизационные сверхзадачи спасали Россию. Они возникали в период наивысшего напряжения народа и общества. Например, план ГОЭЛРО — не просто план электрификации всей страны, а вызов, объединивший СССР в единый хозяйственный механизм. Атомный и ракетный проекты — не просто стратегические технологии, а подвиг советского народа, поднявшего страну из руин войны и обеспечившего суверенитет России на десятилетия вперед.

Сегодня нам снова нужна такая задача — не ради очередных лозунгов, а чтобы **собрать страну в единый организм**. Без неё мы не выстоим в гибридной войне, где борьба идёт не только за территории, но за смыслы, за право самостоятельно определять свое будущее.

Такой задачей XXI века может стать создание и освоение Единого Цифрового Пространства Социально-Экономического Взаимодействия (ЕЦПСЭВ). Проект, по масштабам не уступающий своим историческим аналогам.



Почему именно он? Потому что цифровая среда — инфраструктурная основа суверенитета. Без собственной цифровой координации мы зависим от чужих протоколов, алгоритмов, стандартов — а значит, и от чужой воли.

Совершенно очевидно: будущее лежит за алгоритмами, за экономической кибернетикой. **Матрица стала реальностью** — повседневной средой обитания наших детей и внуков.

И мы бессильны перед ней — пока не осознаем: если люди доброй воли не займутся **гармоничным обустройством этого мета-пространства**, оно будет устроено другими — теми, для кого человек лишь данные, а управление — манипуляция.

Пора сказать прямо: если мы не вступим в эту борьбу — не ради власти, а ради спасения душ наших детей и внуков, — мы потеряем не только их внутренний мир, но и саму территорию, которую они, возможно, даже не захотят защищать. Потому что суверенитет держится не только на армии, но на **ценности Родины в сердце человека**. А когда эта ценность исчезает — когда у ребёнка формируется мировоззрение на чужих образах и мифах, — он перестаёт видеть в своей земле нечто священное. Он не воспринимает её как наследие, как долг, как дом.

И тогда — даже не осознавая этого — он сам откроет двери тем, кто давно ждёт этого момента и не будет считать это предательством.

Мы уже видим, как цифровая среда формирует у детей иную иерархию ценностей: мгновенное удовольствие вместо труда, виртуальный статус вместо реального достоинства. И если мы, взрослые — те, кто помнит, что значит быть частью народа, — не создадим **альтернативную, гармоничную цифровую среду**, основанную на наших ценностях, завтрашние поколения могут просто не увидеть смысла в том, чтобы защищать Россию.

У нас нет другого шанса. Ни запоздалых сожалений, ни откладываний «на потом». Либо мы предлагаем миру альтернативу — основанную на уважении к многообразию, на служении, на традиции, — либо принимаем роль пассивных наблюдателей собственного исчезновения.

Риск велик — но и награда велика. Если мы примем эту мобилизационную сверхзадачу как наше общее призвание, у нас появится шанс не только обрести технологическое лидерство, но и **вновь стать целостным народом**.

Именно в совместном труде мы восстановим то, что было разрушено:



доверие, взаимопонимание, чувство общей судьбы. Именно в этом деле родится **новый язык** — живая речь людей, которые видят друг друга, слышат и понимают.

Только так мы преодолеем атомизацию. Только так из множества одиночек снова вырастет **единый организм**.

Мы долго блуждали во тьме чужих утопий. Но притча о блудном сыне не заканчивается у кормушки для свиней. Она заканчивается **возвращением к Отцу**.

Сегодня Россия стоит перед выбором: сохранить себя как страну с многовековой историей — или раствориться в глобальном хаосе.

У нас есть всё:

- ценности, выстраданные веками,
- опыт, закалённый в испытаниях,
- люди, готовые самоотверженно трудиться,
- проект, способный предложить миру альтернативу.

Осталось одно: **начать действовать**.

Как писал Сталин Ленину по поводу плана электрификации России в марте 1921 года:

*«Не терять больше ни одной минуты на болтовню о плане.
Начать немедленный практический приступ к делу»².*

Мы не можем поступиться принципами.

Но мы можем — и должны — строить.

Не ради славы. Не ради власти.

Ради выживания нашей страны.

Ради того, чтобы наши дети могли сказать:

«Я — из России. И я горжусь этим».

² И.В. Сталин. Письмо В.И. Ленину. Написано в марте 1921 г. // И.В. Сталин. Сочинения. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1952. Том 5. С. 50-51.